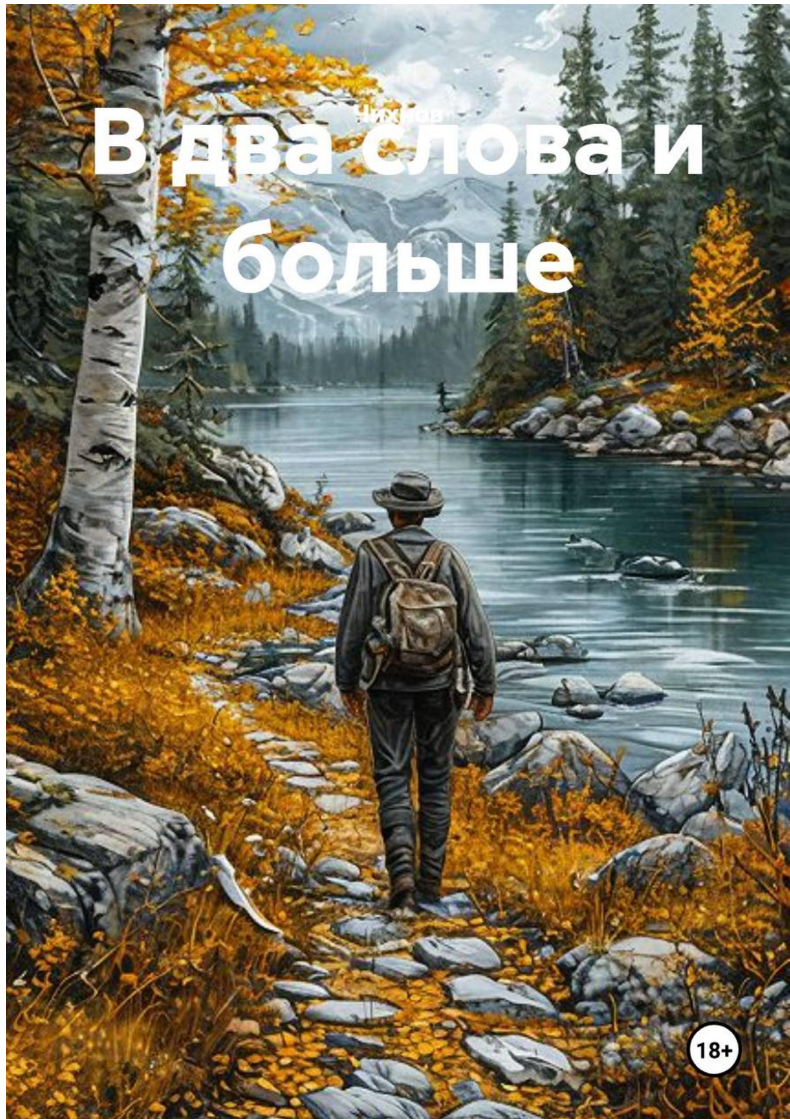


В два слова и больше



18+

Чихнов Чихнов

В два слова и больше

<https://litres.ru/74226803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказы, зарисовки, наброски, миниатюра, эссе, афоризмы-
всего понемногу. Мал золотник ,да дорог. Не велик,да туго
набит. Рыба мелка,да уха сладка.

Чихнов

В два слова и больше

Маска

Сегодня один человек, завтра — другой: другая походка, выражение лица... Все другое, не узнать. Сегодня одна маска, завтра — другая.

Погода: по утрам подмораживало, в четверг уже снег с дождем. Не до тепла. Прошла женщина в черном: черное пальто, берет; подавленный вид. Случилось что? В семье разлад, на работе неприятности, а то — депрессия, хандра? Непростым был день. Завтра, может, все утрясется, и маска будет другой — лучше.

Ольга в розовом жилете, с распущенными волосами, стояла на остановке, ждала автобус. Невысокого роста, с носом-картошкой. Глаза — добрые. «Вот я какая! — говорила она всем своим деловым видом. — Какая есть. Не место красит человека, а человек место».

Мужчина, не по погоде в летней куртке, выгуливал собаку. Внимательный, с прищуром, взгляд. С характером мужчина; своего не упустит. Жизнь-то, наверно, потрепала. На самом деле, может, человек и неплохой: внимательный супруг, заботливый отец. Хороший работник. Угрюмость эта — маска.

Старушка с палочкой, в пальто до пят, пройдет метров сто, остановится, отдохнет и опять пошла. Совсем сил нет, а

идти надо: движение — жизнь. Как без движения? Без движения нельзя, надо двигаться, через силу, но надо ходить. Бедная, под глазами синяки. Один глаз совсем заплыл. Лицо все в глубоких морщинах. С возрастом человек меняется на глазах — и не в лучшую сторону, не узнать: была красавица, стала Баба-яга. Возраст...

Сборщица мусора, фриган, невысокого роста, лет 30—40, с сердитым насупленным взглядом, в куртке из натурального меха, в шапке, брюках палаццо — все из отбросов — быстрым шагом прошла. Сразу и не узнать. Рано, в седьмом часу, с рюкзаком за спиной она уже бегала собирала алюминиевые банки из-под пива, одежду, обувь, что еще можно носить. Люди с достатком выбрасывают неплохие вещи.

Мужчина — копия артист Олешко. Овал лица, эта фирменная улыбка, элегантный вид — все как у Олешко, один в один. Только откуда Олешко взяться: он в такую глухомань, как поселок Горный, не поедет: нечего делать.

Пенсионер в сером пуховике, вязаной шапке, заложив руки за спину, долго стоял, смотрел вслед удалявшемуся лже-Олешко, улыбался: «Как похож».

Годы

Она четвертый день не выходила из дома, лежала под двумя одеялами — не могла согреться. Простыла? Где? Не должна. Грипп? Отравилась? Надо больше пить, промывать желудок. В больницу не пошла: девятый десяток, какая больница — свое отжила. А все в окно смотрела, дни до весны

считала. И вот уже закапало с крыши — а ничего уже не радовало. Годы. Если бы не кашель, она бы еще лежала. Да и вставать уже надо: первый час. Чуть не упала: ноги как деревянные, совсем не держали.

— Под глазами — синяки, осунулась, старая, — стояла она перед зеркалом. — А девкой была ничего. Завидная невеста.

Завыла сирена — беспилотная опасность. Она заканчивала восьмой класс, когда отца не стало: он и двух месяцев не дожил до 68 лет. Мать ненамного пережила отца, с почками все мучилась, боли были ужасные. Врач диагностировала остеоартрит. 9-й десяток. Пережила. Хватит, пожила: дальше только хуже будет, прибавится болезней, не без этого: катаракта, амнезия, артрит... В Испании, США и во многих других странах человек с тяжелым заболеванием, или все надоело, пишет заявление на уход из жизни, проходит обследование, на консилиуме выносятся окончательное решение. Делается укол, и человек погружается в глубокий сон, засыпает навсегда. Процедура безболезненная и называется эвтаназией. И не надо глотать таблеток, травиться. Умрешь — не умрешь, а инвалидом будешь. Травиться, лишать себя жизни подобным образом, во-первых, неэтично, во-вторых, не по-божески.

Боже милостивый, если бы ты знал, как мне плохо. Все болит. Помоги, усыпи меня. Ты все можешь, я знаю. Все в твоей власти. Если я в чем-то виновата, прости меня, старую

дуру. Я чувствую, жить мне осталось совсем ничего, если я ошибаюсь, жить мне еще не один год, — отдай эти мои годы кому жизнь в радость, а мне и дня хватит — сегодня. Пожила.

Она встала на колени перед чудотворной иконой, стала молиться:

— ...и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого, ибо твое есть царство и сила, и слава вовеки. Аминь.

Мать была верующей, ходила все в церковь. Она, как и отец, бывала в церкви только по большим праздникам, верила и не верила в бога: молилась от случая к случаю, когда что-нибудь нужно было, когда становилось невмоготу, как сейчас. Боже милостивый, заberi меня к себе. Я в этом мире никому не нужна: детям не до меня. Не бросай меня. Ты — наш родитель, мы — твои дети.

Хлопок—задрожали стены, посыпалась штукатурка. Заплакал ребенок.

Замужем

Последний мусорный бак справа был с верхом, остальные три — свободны. Он забросил пакет с мусором в первый бак, вышел на улицу Пескова, прошел метров 100 — соседка, не совсем соседка; дома были через дорогу, но виделись чуть ли не каждый день: он на завод, она — в школу. Симпатичная, невысокого роста, по всему видать, женщина самостоятельная, не балаболка какая. Все одна. Он тоже — два года как в разводе. Каждый раз, встречаясь глаза в глаза, он,

как мальчишка, терялся; все хотел познакомиться: «Здравствуйте. Сегодня опять подморозило. Через неделю Масленица. Зима не сдает». Представится: «Валентин». Соседка: «Зинаида, Катерина...» Он расскажет о себе, кем работает, чем занимается в свободное время. Пригласит в гости, купит шампанское. Но все как-то было не до знакомства. Тут еще он связался с Эльвирой, кассиршей из гастронома. Отчаянная женщина.

Час за часом, неделя за неделей незаметно проходила жизнь. И вот уже за 50 — он все один. У соседки, похоже, появился мужчина. Высокий. Была машина «Шкода». Свой дом за школой №2, недалеко. Богатый жених. Он — ни машины, ни дачи. Вот уже неделю соседка не показывалась: некогда — дача, огород, да если еще какая живность — свободного времени немного. В пятницу он пошел с работы домой не как всегда — через автовокзал, а низом — гастронорм, «Ткани», школа №2, накануне выпала треть месячной нормы осадков, соседка с супругом убирали снег у дома.

В пятницу он ходил за макаронами, вышел из магазина — соседка шла одна, без супруга. Волосы крашенные, под блондинку. Походка: уже не бегала, как раньше, глаза в глаза. Со всем другая стала — не узнать.

Мелодия любви

Вставай! Вставай давай! Восьмой час. Вставай! Чего лежишь!? Ой, да встаю. Встаю. Где тут у меня тапочки? Вот они, родные. Туалет. Все, как вчера, позавчера... На зав-

трак каша — еда наша. День прибавился. Полвосьмого — уже светло. В пятницу Крещение. Купель. Не хочешь попробовать? Это надо получить разрешение у врача на купание. Подготовить организм: контрастный душ, закаливание. Неподготовленного человека купание в ледяной воде может привести к серьезным осложнениям. Купание в ледяной воде — стресс для организма. Грамотный. Рискнуть, конечно, можно. Дети купаются. Пусть купаются. Ешь! Еще не готово, еще минут 10. Рыбу надо чистить на обед. Сельдь — хорошая рыба. Жирная, ОМЕГА-3! Ешь, ОМЕГА-3! Ем! Ем! Вот только костей много — мелкие, сразу не заметишь. Надевай очки. Минтай тоже рыба ничего: костей немного, но постная. Сельдь лучше. Только вот костлявая. Заладил: сельдь, сельдь, как будто другой рыбы нет — кета, форель. Форель дорогая. Сельдь рыба ничего, только вот костей много... и все мелкие. Да, все мелкие:

— Ты моя мелодия, я твой преданный Орфей...

Дни, что нами пройдены, помнят свет нежности твоей.

Все, как дым, растаяло, голос твой теряется вдали...

Что тебя заставило забыть мелодию любви?

На любовь потянуло? Какая любовь? Прошла любовь. Да и была ли она — любовь. Познакомились мы: я приехал из Калвы, на вокзале у киоска «Союзпечать» стояла девушка невысокого роста, в желтой курточке — ждала кого-то. Я уже прошел: «Молодой человек, который час?» Кажется, это ко мне. На часах здания вокзала было 6.30. Хотела позна-

комиться: я не ошибся, девушка спросила, как меня зовут, местный ли, где работаю. Марина. Тоже местная, училась в техникуме. Позже я узнал, что она меня обманывала, не училась. Мы обменялись телефонами, стали звонить, встречаться. Непростыми были у нас отношения: ссорились, мирились. «Разные мы», — говорила Марина. Я пропускал ее замечания мимо ушей. И вот мы сошлись. Была осень. Теща меня предупреждала: «Ты держи ее в руках». Я не слушал. Марина была с характером, чтобы все по ней. Я тоже человек вспыльчивый. Марина обижалась, что я ей мало уделяю внимания, холоден. Может быть. Были моменты, когда я готов был поверить, что не так все плохо, жизнь налаживается, но — ненадолго; мы опять ссорились. И, кажется, конца этому не будет. Мы были разные. Марина нигде не работала, все с подругами. Совсем обнаглела девка. Дальше — хуже. Я прихожу с работы — ее нет дома. Где шляется? А тут пришла за полночь: у подруги была на день рождения. Врала, бестия:

— Какая ты странная, странная, странная. Невыносимая, но вся моя. А в сердце останется самое главное, что в этом мире только ты и я.

На любовь потянуло? Нет, хватит любви. Были у меня, конечно, женщины, не без этого, но чтобы опять жениться... Однолюб? Пусть будет однолюб. Никто на меня не кричит, не играет на нервах. Тишина:

— Какая ты странная, странная, странная,
Невыносимая, но вся моя.

М-м-м-м-м-м-м. М-м-м-м-мм.

Домочадцы

В доме №5 по улице Лесной, на втором этаже, целыми днями сидела старуха, смотрела, кто куда пошел; все ей было интересно. Она почти не выходила из дома — разве что от случая к случаю. Она весь свой первый подъезд знала поименно — это 20 квартир — и даже кое-кого из 2 и 3 подъездов. Внизу, на первом этаже, жили Новиковы, тоже три комнаты. Семья большая — 6 человек: Валентина с мужем, мать Валентины и 3 детей — два мальчика и девочка. Старший заканчивал школу, его брат учился то ли в четвертом, то ли в пятом классе. Дочь ходила в детский садик. Муж работал на заводе, кажется, сварщиком, а сама Валентина — кассир. Семья дружная, не то что Громы из 8 квартиры — не проходило дня без скандалов. Верка говорила, что Громы пьют. А кто не пьет? Все пьют, только одни знают меру, а другим море по колено. За стенкой — однокомнатная квартира. Раньше жили Коноваловы. Так себе семейка: он здоровался, а она нет. В прошлом году съехали. Сейчас живет Людмила, мать-одиночка. Отца ребенка не видно. Разбежались. С гонором люди. Ничего, жизнь, она научит. В третьей квартире непонятно, живут там или нет — не видно. Надежда из 17 квартиры потопала в магазин. Женщина вспылывала, что не по ней, сразу в штыки. Лучше не связываться. Супруг у нее — предприниматель, торгует нижним женским бельем. В витрине — голые бабы в лифчиках, трусах. Тьфу!

Смотреть противно. И как не стыдно? Внук говорит, что это реклама. Хороша реклама: голые бабы. Срам один. Как это называется: пар... но... Тьфу! Совести у людей нет, вот что я скажу. Якимовы холодильник купили — затаскивают. Большой, хороший. Тоже надо холодильник. Старый уже на ладан дышит, того и гляди откажет. Без холодильника ой как плохо. Зимой ладно. А если летом откажет — все испортится. Надо сказать Соньке, пусть понемногу откладывает на холодильник... Опять сверлит! Все стенки, наверно, продырявил. И как соседи за стенкой терпят? Никакого покоя. Не полежишь.

Запищал домофон — кто-то вышел, а кто — не видно. Дети, наверно, балуются. Первый час. В это время Сергей из 14 квартиры ходил в магазин. Тоже уже на пенсии. Мужчина самостоятельный, не пьет, не курит, жить бы да жить, нет, бабу на сторону потянуло. Говорят, она приходила мириться, он прогнал. Правильно сделал. Учить их надо. Один живет, так и не женился, натерпелся, бедолага, рисковать больше не хочет. Дети большие, свои семьи: не до отца. Болтают, что он рисует, художник, значит. Наверно, природу рисует — цветочки, но не голых же баб. Человек порядочный, не станет этим заниматься. Хотя тут одно время ходила к нему девка из падких до мужчин. Даже на ночь оставалась. А что? Мужчина он еще ничего, для своих лет выглядит очень даже неплохо. Краско в 90 лет женился на сорокалетней. Джигарханян... Царствие ему небесное. Любви все возрасты... Го-

воят, что любить для здоровья полезно.

Запищал домофон — и опять никого. Хулиганят. Весь подъезд разрисовали. Куда родители смотрят? Уже полпервого. Сергей еще не выходил. Уехал, что ли, куда? Вроде не должен, что он, докладывать тебе будет. Заболел? Годы, тоже не молодой.

Сергей, пригнувшись у стенки, чтобы старуха не видела, прошел: достала, старая. Смотрит и смотрит. Чего пялится?

Предприниматель куда-то поехал. Дружинина, вдова, вышла покурить. Год уже будет, как супруг разбился — не справился с управлением. На дороге надо быть внимательным.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Уже третий час. Сергей еще не выходил. Сколько можно ждать? Где ты? Что с тобой, друг сердечный. Что-то как-то беспокойно у меня на сердце.

Опять запищал домофон — никого. Сергей, пригнувшись у стенки, как и выходил, чтобы старуха не видела, зашел в подъезд. Чего надо? Чего все смотрит, смотрит? Влюбилась старая?

Балкон

Антон Павлович опять на балконе — принимал солнечные ванны. На пенсии, свое отработал — можно и отдохнуть. Все лето на балконе. Зинаида, супруга, хотела тоже застеклить балкон, чтобы как у всех, Антон Павлович ни в какую: нет, и все! И пошло:

— Дурак!

— Сама дура.

— Люди, наверно, смеются — все на балконе, коричневый уже стал, африканец!

— И что?!

— А то, что я устала от тебя! Бездельник! Другие на пенсии работают.

— Ну и пусть работают!

Зинаида подала на развод. Квартиру продали, деньги поделили и разбежались: Зинаида уехала к матери в Тамбов, Андрей Павлович снял комнату в общежитии, за рынком.

Июль. Макушка лета. Вчера Антон Павлович опять приходил, долго стоял, смотрел все на балкон: в общежитии не было балкона.

На днях новые жильцы застеклили балкон, стало все как у всех. Хозяин квартиры, мужчина, примерно одного возраста с Антоном Павловичем, стоял на балконе, курил и в непогоду — на балконе.

Плюшка

Два дня как он приехал из Карпино с похорон отца: почки отказали, отмучился, бедняга. Все говорил: «Дети, живите дружно, не ссорьтесь. Жизнь одна, другой не будет». Семья была большая — 5 человек, 3 сестры, два брата. Отец работал в школе, учил ребят химии. На проводинах было много народу. Мать не ходила на кладбище: во время отпевания с ней сделалось плохо, и она с сестрой осталась дома.

Два дня в Карпино, два дня дома, и за эти 4 дня он не сходил по большому, не освободился. Такого еще не было: обычно через день, два он оправлялся. Кто-то говорил, что в таких случаях надо пить много воды. Вчера он выпил литров пять, если не больше, и — ничего, только всю ночь в туалет бегал, не выспался. Живот — не резиновый, куда все уходит? Надо что-то делать, как-то выходить из положения, но как? Как, как... Неплохо было бы... купить слабительное. Сделать клизму. Клизма — в последнюю очередь, если слабительное не поможет. Хорошо хоть на пенсии, не надо идти на работу, а то как? Как, как... За продуктами он ходил в ближайший магазин — минут 15: боялся, что приспичит; опозориться. Аптека тоже тут была недалеко. Он еще надеялся оправиться без лекарств. И вот уже пять дней без туалета. Куда это годится? Живот уплотнился, затвердел. Он уже не ужинал, чтобы не загружать лишний раз желудок, чтобы хуже не было, и опять пил воду. Спал плохо, во сне все прятался, бегал от кого-то. Преследователь был в шинели без погон. Завтракать он тоже не стал. На обед была одна рыба без гарнира, хлеба — одна рыба. После обеда он с полчаса полежал, потом встал, собрался за слабительным, уже оделся — испортил воздух, еще, еще — очередью. Кажется, началось. Он напрягся — нет, еще рано. Он опять лег — и опять захотел по большому, уже — по-серьезному. Прошел в туалет, сел; он не торопился с опорожнением, чтобы наверняка, напрягся, еще и еще — пошло. Он так бы, кажется, сидел и

сидел: все получилось, дело сделано, но надо идти в магазин за сметаной. Он встал — в унитазе была плюшка, как настоящая. Это ж надо такое слепить, испечь, придумать... Кому рассказать, так не поверят, скажут, что приснилось. Он на всякий случай ущипнул себя — нет, все взаправду. Он достал из кармана брюк смартфон — заснял на всякий случай. Если бы не запах, он оставил бы плюшку в туалете до вечера: жалко было смывать.

Следующая станция — ЖигOLEвка. Двери закрываются.

Была какая-то слабость во всем теле, как если бы он не выспался; он даже не хотел ехать. Конец августа. Лист напáдал. Неделю, больше температура воздуха не опускалась ниже 25 градусов. Все пересохло, не продохнуть. Он встал и приоткрыл окно. В вагоне были одни женщины, он только сейчас заметил. Бабье царство. Женщины говорили, перекусывали, опять говорили. Кажется, их разговорам не будет конца. В третьем ряду справа сидела семья — мать, дочь, внучка, а может, и не внучка. Мать, шамкая беззубым ртом, доедала булочку и что-то объясняла дочери. Дочь отворачивалась, не слушала. Мать сердилась.

ЖигOLEвка. Следующая станция — Маховая. Двери закрываются.

Минут 10, если не больше, мать с дочерью препирались, не могли договориться. Наконец, пришли к согласию. И как тут это было не отметить? Появился стакан, опять булочка

— пили понемногу, но часто, запивая соком. За распитие спиртного в общественных местах был штраф, и не маленький. Пили с оглядкой, а потом — уже не прятались. Внучка, а может, и не внучка, покраснелась, заиграла молодая кровь. И опять пошли разговоры.

Станция Маховая.

Он выходил.

Он не раз еще ездил в Маховую, специально садился в первый вагон, но чтобы одни женщины — такого уже не было.

Наставник

...Детский садик, библиотека, через дорогу ЖКХ прокладывали новые трубы, стояла техника. Еще каких-то два месяца — сентябрь. Заморозки. А там уже отопительный сезон.

Улица Банная. Мужчина среднего роста, тоже уже в годах, стоял у столовой, курил. Ждал кого?

— Александр Семенович.

Он не понял: ослышался? Ты кто, мужчина? Откуда ты? Приезжий?

— Хромов я. Вы — мой наставник в прошлом.

Хромов, Хромов... За сорок лет работы на железной дороге он обучил — громко будет сказано, — объяснил, показал, как укладываются рельсы, шпалы; демонтируются старые пути, как работать с инструментом, оборудованием; соблюдение техники безопасности — наверно, человек 10, если не больше. Кто-то остался работать, кто-то рассчитался.

Работа монтером пути — не из легких. Тихонов окончил техникум, работал мастером. Андрей Кирпичев переметнулся к газовикам — там больше платили. Кудрин — непонятно, рассчитался, нет, ходил все навеселе. Олега что-то не видно — говорят, уехал. Хромова он не помнил. Фамилия вроде как знакомая. Поговорить бы. Что? Как? На пенсии? Нет... «Хромов...» — пожимал он плечами.

— Давно это было.

— Да.

Вот уж 10 лет, как он не работал, на пенсии.

— На хлеб, Александр Семенович, не хватает. Одолжи.

На хлеб — который в бутылке? Нашел дурака. На неделе молодой человек тоже: батя, на хлеб не хватает.

Много вас таких, говори уж прямо: на водку надо, а то на хлеб не хватает.

— 70 рублей надо.

70 рублей — «шкалик», 100 граммов водки. С этого надо было и начинать, а то на хлеб не хватает. Умник.

— У меня тут есть... — достал он из кармана копеек 40 — 50.

Деньги, конечно, были, но не на водку. 70 рублей — не такая уж большая сумма, можно было бы дать. Не обнищал бы... Александр Семенович... Не забыл. За одно это можно было дать. Генка — балабол: Сашок, Сашок. Это наставник — Сашок. Он все хотел сделать Генке замечание, чтобы так не говорил, но как-то было недосуг. Где он сейчас, балабол,

и работает ли?

Ямб

Я сидел у себя в комнате, на столе у меня лежала вот уже вторая рассылка за неделю: «Присоединяйся к своим!»

Выплата за первый год службы — от 4470000 руб.

1500000 руб. Единовременная выплата при заключении контракта.

50000 руб. Муниципальная выплата.

От 210000 руб. на территории СВО.

Статус ветерана боевых действий.

Бюджетные места в пределах квот для обучения детей в вузах.

Кредитные налоговые каникулы. Страховые выплаты.

Еще придет и не одна рассылка, пока идут боевые действия на Украине. В городе на вокзале, в магазинах, на столбах, мусорных баках — «Заключай контракт. Присоединяйся к своим». У столовой большой баннер: военнослужащий в каске с автоматом. «Работай, брат». Номер телефона.

Я тоже хотел бы заключить контракт, присоединиться к своим и получить выплату в миллион рублей. Купил бы себе новый смартфон, ноутбук, с сестрой поделился бы деньгами, не жалко, но мне всего 11 лет, я ученик 4 класса. Отец второй год на фронте, был два раза ранен. Мать все отговаривала его, просила не заключать контракт, кажется, вчера это было:

— Куда лезешь? Жить надоело?

— Ничего. Обойдется, — отвечал отец. — Я не один та-

кой. Бог милостив.

— На бога надейся, а сам не плошай. Слышал такое?

— Слышал. Ты вон все жалуешься, что продукты дорожают.

— Да черт с ними, с продуктами. Жизнь дороже.

— Родину надо защищать. Бить этих нелюдей.

Вчера опять по Горловке был нанесен удар «Бабой-ягой». Два человека погибли, в том числе девочка 10 лет. Много раненых. Бьют по мирным жителям. Нелюди.

Дроны, они же «птички», в окна залетают. Оператором дронов хорошо быть. Снайпером тоже неплохо — лежи в укромном месте, жди неприятеля, только появился — раз его! На фронте кто кого, кто первый нажмет на курок, говорил отец. На фронте все по-серьезному. Это не «Шутер», игра в интернете — стрелялки. На фронте враг не дремлет, чуть что — переходит в наступление. Без накачивания Западом Украину оружием Украина долго не продержалась бы. Зеленский все просит дальнобойных снарядов, чтобы бить в глубь России.

Наши продвигаются вперед, взяли Ильинку. Враг потерял до 200 военнослужащих, двое сдались в плен. Подбит американский БМВ, шведский ЗРК и канадская гаубица. Победа будет за нами!

За сутки Украина теряет на фронте до 1000 человек личного состава, скоро воевать будет некому. Уже инвалидов ловят, отправляют на фронт на убой. Байден требует от Зелен-

ского, чтобы узаконил призыв с 18 лет.

У каждого из наших бойцов есть позывной. У отца — «Блин». Когда что-нибудь не получается, он все — блин да блин. Моим позывным был бы «Ямб». Это такой двусложный размер с ударением на последнем слоге. Есть еще хорей с ударением на первом слоге. Литература — мой любимый предмет. Учительница говорит, что я родился журналистом или писателем — как получится. Чтобы написать рассказ, должна быть тема, сюжет — война.

«Ямб», затаившись, уже целый час лежал в кустах, ждал неприятеля. Рядом лежал сержант, ненамного старше отца, с позывным «Тихий». «Тихий» вот уже третий год на фронте, награжден медалью Жукова. Перед тем как отправиться на фронт «Ямб» 6 месяцев проходил подготовку, учился стрелять. И вот — на передовой — кто кого. Хорошо бы встретиться с отцом... «Птички» -дроны залетали. Наши «Тюльпанами» бьют. На войне как на войне. Есть враг. Если разобраться, он тоже человек, не родился врагом; у него, как и у всех, есть семья, родные ждут его домой, а он лежит где-нибудь в поле убитый. Сколько таких лежащих? Потери военнослужащих на Украине за годы боевых действий уже около миллиона, а дальше — больше... Трамп обещал, в случае его избрания президентом, в течение 24 часов решить вопрос с Украиной. Хорошо бы. Мать переживает, плачет.

Все затянуло — к дождю. Сколько можно вот так лежать, ждать? Сколько надо. Ты подписал контракт — вот и лежи,

жди.

Наконец появилась цель: накаркал, это был мужчина средних лет, с бородкой. Кто ты? Наемник? Какая тебе разница? Враг. Тебе этого мало? Стреляй! Или ждешь, когда тебя убьют? Струсил?! Нет, отец...

Выстрел.

— Еще один готов. Двадцать третий, — прошептал «Тихий».

На углу улицы Лесной — кафе не кафе, просто «Булочка» для скорого перекуса. Сразу, как заходишь, — справа стол, четыре стула к нему. Было еще несколько стоячих мест у стены. Шесть человек, ну десять — для маленькой «Булочки» еще ничего, а вот больше — перебор: тесновато. Многие брали с собой. Были пирожки с капустой, мясом, плюшки, чебуреки, кексы, сырники. Выпечки много. Была и пицца — как без нее. Второе тоже было: котлеты с капустой, курица, печень.

Я не скажу, чтобы сильно проголодался, но скоро должен подойти автобус, мне еще ехать, так что перекусить было не лишним. Сотрудницы в «Булочке» все молодые, вежливые, все «пожалуйста». Впереди меня в очереди стояли мужчина, женщина с ребенком. Я взял кофе, шаньгу с картофелем, разогрел ее как следует в микроволновке у кассы, прошел к столу. Погода не радовала — дождь.

Я уже заканчивал с шаньгой, как ко мне под села женщина,

наверно, уже на пенсии. У нее был чай и чебурек с мясом.

— Приятного аппетита.

Это она мне?

— Спасибо.

Я уж не помню, когда мне говорили «Приятного аппетита».

По следам

Восьмой час — светало. Конец марта. Ночью подморозило, накануне прошел дождь, было скользко. Выходной. Женщина с собакой гуляла. У собаки шерсть белая, густая. Что за порода? Спросить? Зачем?

Юбилейная — вторая улица в городе по протяженности. Кто-то уже прошел: мужчина, изрядно подвыпивший, — ноги совсем не держали: пройдет метров 10—15, остановится, отдохнет — и опять пойдет. У магазина «Пятерочка» упал. Ноги так и разъезжались. Трезвому устоять, не упасть — проблема, а о пьяном и говорить нечего: пьяный человек неловкий. Метров через 50—60 мужчина опять упал и долго не вставал, лежал на снегу, собирался с силами — может, ногу подвернул. Встал, пошел. У аптеки следы пропали. Хромой! Вышел на дорогу: не так скользко. Молодой парень, а седой, как старик. Правая нога у Хромого совсем отказывала. Пьяный, наверно, и шагу не мог бы сделать из-за больной ноги: лежал бы в снегу, пока кто-нибудь из прохожих не вызвал скорую. Хромой ходил все на вокзал: подолгу стоял у окна, встречая, провожая поезда.

Мужчина невысокого роста, худой, одет в куртку «Газпром» с чужого плеча, в резиновых сапогах до колен, стоял в тамбуре, в отсеке воздушной теплоизоляции универсама «Монетка», что у аптеки, и опять кого-то ждал; а этот кто-то все не приходил, задерживался. Середина апреля, а как февраль. Непогодилось... И вчера мужчина стоял в тамбуре, тоже кого-то ждал или только делал вид, что ждал. Одно время он стоял в «Монетке», что рядом с детсадом, и опять кого-то ждал. Пошел снег.

В магазине

Кроссовки у ребенка порвались, стиральный порошок надо купить, у внука в пятницу день рождения, торт надо. Все надо, надо. Идем в магазин. «„Пятерочка“ — выручает!» «„Магнит“ — всегда низкие цены». В отделе «Овощи» женщина в розовом: розовая кофта, юбка — выбирала помидоры, мяла, щупала, нюхала, смотрела на свет — и все не могла выбрать. Вчера апельсины были по 160 руб. за килограмм, сегодня — 180. Бананы почернели, а цена — как вчера завезли. Ой, дурят нашего брата!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.